

У 23428
2 81

L

АЛЕКСАНДР ФАЙНБЕРГ
ДАЛЕКИЕ
МОСТЫ

Контрольный экземпляр

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«ЁШ ГВАРДИЯ»

Ташкент — 1978

ДАЛЕКИЕ
МОСТЫ

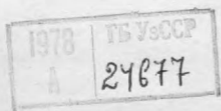
АЛЕКСАНДР СОАЙНБЕРГ

стихи

«Далекіе мосты»—так называецца новы зборнік лірыкі Аляксандра Файнберга. О чым бы ні пісаў паэт — о любові, о прыродзе, перад намі чудесны, паэтычны, добры свет чалавеческага сэрца.

У 23428
2 Ji

Ф $\frac{70402-178}{356[06]-78}$ 60-78

© «Еш гвардыя»—1978.

РАССВЕТ В МАСТЕРСКОЙ

Это неба камень бирюзовый.
Облаков прозрачные стада.
Это над изломом горизонта
тает родниковая звезда.

Это вновь над логовом тумана
всходит арка золотых ворот.
И окна распахнутая рама
движется со мною на восход.

Это над очнувшимся простором,
огненной коснувшись тетивы,
солнцем коронованные горы
подымают глыбы синевы.

Это Мастер, мир граня веками
и веками не смыкая глаз,
к солнцу повернул небесный камень,
в бирюзе разглядывая нас.

ОРКЕСТР

Голубая мостовая.
Генка-свист, бросай лапту!
В синем небе застывает
черный мячик на лету.
Это звуки бьют литые.
Вторит звукам гул оград.
Марша трубы золотые
раздувают листопад.
Вспышки звонкие медалей.
Барабана четкий гром.
И мечта из дальней дали
машет нам своим крылом.
По окраинам окрестным
огневой проходит строй.

Два названья у оркестра —
духовой и полковой.

Под асфальтом скрыт булыжник.
Чуб у Генки поредел.
Навсегда за чьи-то крыши
черный мячик улетел.
Но опять поют ограды.
К сапогам слетает лист.
На закат со мною рядом
шаг чеканит Генка-свист.
Молдаванка молодая
смотрит в душу напролом.

И мечта из дальней дали
машет нам своим крылом.
А привал за красным лесом
возле кухни полевой.

Два названья у оркестра —
духовой и полковой.

Возмужав однажды сразу,
стали прежним не чета.
Рассудительнее разум.
Закаленнее мечта.
До свиданья, строевая.
Мы сердечные поем.
Но при том не забываем —
между маршами живем.
Ты о чем играешь, флейта?
Ты кому звучишь, хорал?
На галерочке — ефрейтор.
В ложе — знатный генерал.
Вскинет палочку маэстро —
старец с птичьей головой.

Два названья у оркестра —
духовой и полковой.

Тянет шею из трамвая
облысевший Генка-свист.
Снова щеки раздувает
золотой геликонист.
Снова улица прогнулась
под напором молодым.
Шар земной вращает юность
четким шагом строевым.

И над новым музыкантом
свищет песня весело,
И летит, летит к закату
марша медное крыло.

Глянет синью поднебесной
неизвестный рядовой.

Два названья у оркестра —
духовой и полковой.

ПОСЛЕГРОЗОВОЕ

Полдень ржет, как жеребенок,
в мокрых травах мнет бока.
Но уже за дол зеленый
улетели облака.

Держат синь столбы озона.
За столбами дальний гром
катится по горизонту
гулким голубым ведром.

Над верандой в черепицу
вбит грозы хрустальный гвоздь.
Трость сирень—и, словно птица,
вздрагнет дышащая гроздь.

А потом, как вечер душный,—
загорятся две звезды,
словно в крышке на кадучке,
в круглом зеркале воды.

Что ж ты плачешь?

Успокойся.

Будет.

Ангел падший с веткою багряной.

Мы с тобой

давно уже не люди.

Родники лесные

и поляны.

Отомри.

Шоссе.

Мы у березы.

Друг на друга смотрим виновато.

Велосипедистки, как стрекозы,
пролетают в сторону заката.

ПЕТУХ

Еще ворота на запоре.
И теста нет на каравай.
А он горланит на заборе.
Он горлом разрывает рань.

Еще духовок не открыли.
У печек сомкнуты глаза.
А он кричит, топорщит крылья
и тянет гребень в небеса.

Грядущий день провозглашая,
в конюшне разбудив кобыл,
он поворот земного шара,
как открыватель, застолбил.

А поворот уходит в небо,
где осень тучами легла.
Под ними, ожидая снега,
разделись рощи догола.

Но польхая опереньем,
петух рассвет земле поет.
Извечной скуки оскорбленье.
Извечной бодрости оплот.

Будильник. Дуэлянт. Мужчина.
Не черный ворон на суку.

Люблю твой натиск петушиный
Бездумное ку-ка-ре-ку.

...Приходит день. На дачах сборы.
Телег последних перестук.
Вот-вот зима. А над забором
стоит, как радуга, петух.

МИНАРЕТ

Зачем ты полн гордыни нелюдимою,
веков минувших столб сторожевой?
Скажи мне, кто прожег тебя жарой
и краскою покрыл неповторимой?

Чей по ночам тебя тревожит клич?
Кого ты ищешь в небесах нетленных?
Чьей цепкой кровью спаян твой кирпич?
Чьих глаз лазурь течет по этим стенам?

В. Н.

Рвут океан тройные кили.
Им светит чуждая звезда.
Но мы такие, мы такие —
единожды и навсегда.

В дом пирога не завлекает
подкова, вбитая в порог.
Такое счастье. Жизнь такая.
И мы ей тоже не пирог

Но стерегут траву и камень
след матери и след отца.
Такая твердь. Трава такая.
Такие судьбы и сердца.

Из детства вылетевший чижик.
Свистулька. Перышко мое.
Без нас и не взгрустнет Отчизна.
А мы подохнем без нее.

Над страною черноглазой,
раздувая жар горнил,
горбоносый бог Кавказа
профиль огненный склонил.

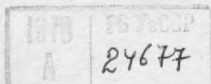
Он поставил над горами
полный пламени кувшин.
Он выковывает грани
острых гребней и вершин.

Над огнем неторопливо
водит смуглая рука,
обрамляя край залива
в бронзовые облака.

От небесного порога,
где закат в его ладье,
он до берега дорогу
медью выбил на воде.

Вбил в скалу звезду морскую.
Вплавил золото в самшит.
Вот и все. Но мастерскую
он покинуть не спешит.

Он дыханьем остужает
у подножий валуны.
И стрижами, как ножами,
поджигает край луны.

Скажи, зачем, какой звездой,
куда и на каких парамах
по топям бытности слепой
любовь твоя была ведома?
Ведь ниже твоего следа
все взлеты моего восторга,
и ни одна моя беда
твоей печали не достойна.

Я все бросал к ногам твоим.
Я говорил, забыв запреты,—
пускай не вечно я любим,
но бог ты мой, за что мне это?
За что мне срез твоих очей,
твое горение впервые,
органа глыба на обрыве
и небо в зареве свечей?

Веселый бог простого ремесла,
загадочный лудильщик и паяльщик,
не ведая ни года, ни числа,
мне открывает свой волшебный ящик.

Я замираю в ожиданье чуда.
Не птиц я жду. Не длинных пестрых лент.
Сейчас он руку — в ящик. И оттуда
таинственный достанет инструмент.

Свети, свети, далекое до боли.
Веселый бог золу расшевелит.
Запахнет мастерская канифолью,
и, жарче солнца, примус зашумит.

И на мгновенье вспыхнет лунной медью,
огонь на старых ведрах и тазах.
И за щекой кислинку карамели
почую я, как тридцать лет назад.

Два времени соединит умело
зеркальный шов горячего свинца.
И жизнь опять — без края и предела.
Надежда — без предела и конца.

Рука, от искр и угля золотая,
продли мне миг без года и числа...
Но грустно улыбнулся и растаял
веселый бог простого ремесла.

Когда тревожит сосны и рябины
осенний свист электропоездов,
когда вдвоем, когда неповторимы —
не надо слов.

Закаты нашей осени прекрасны.
Скользит сквозь листья золотая нить.
Зима не за горами. Это ясно.
Не надо говорить.

Молчи. Не утомительно молчанье.
Оно с природой нас не разлучит.
По рощам золотым и обручальным
едва ледок сентябрьский звучит.

Пусть поезда из голубой столицы
проносят гул и свист по проводам.
Щека к щеке. Ресницы о ресницы.
И хвоя прикасается к губам.

СТРУНЫ

К нам кони шеигнули,
   Да степи. Да поля.
 Да жизнь, судьба и пуля
   у каждого своя.
 Да только цокнет камень,
   да только вспыхнет зной.
 Эх, да!
   Ехали цыгане с ярмарки домой.
 Нам фонарей полоски,
   во поле ночлег.
 Барахло, повозки
   да скрип ночных телег.
 Земля с конца до края
   вся — песня да костер.
 Да только бьется пламя
   в небо, как в котел.
 Мы — в драные одежды,
   да золотая кровь.
 Ты — Вера,
   ты — Надежда,
   а ты — моя Любовь.
 Станем ли преданием?
   Пропадем зазря?
 Грешная, родная,
   милая Земля.
 Да только вспыхнет кремень.
   Пропоеет ружье.
 Небосвод накренит.

И — каждому свое.
И только вздрогнут звезды в двух ее зрачках.
Не целуй.

Поздно.

Таю в облачках.

Во поле ни звука.

На цветке рука.

Вечная разлука.

Древняя тоска.

Но

да бушуют весны!

Но

да летит земля!

Да польхают звезды!

И каждая — твоя.

И плывет веками

от оси земной —

Эх, да!

Ехали цыгане с ярмарки домой.

Когда туман и дождь под утро,
когда дороги развело,
к чему глядеть на эти угли,
едва хранящие тепло?

Оставим их на милость ветра.
И в путь, былого не храня.
Кто ищет пламя среди пепла,
считай, остался без огня.

Увы, нам это не исправить.
Зима развеет костерок.
И лишь покинутая память
нас будет ждать у двух дорог.

Аукая в метель сквозную,
она покличет, позовет...
Поймет... В снегу перезимует...
Весной ручьями уплывет.

САМАРКАНДСКИЙ БАЗАР

Гуди, базар!

Ликуй, венчая лето!

Пегас Востока распростер крыла.
К высоким облакам над минаретом
лети, не умолкая,
крик осла!

Что за ряды!

Здесь тыква весит тонну.

Арбуз не уместается в глазах.

Он на весы летит с тяжелым звоном.

И гири

подлетают на весах.

Здесь нож, сверкая,

вспарывает дыню.

Али-баба вспотел в шашлычном дыме.

Он рубит лук.

Он щурится от слез.

Он рукавами утирает нос.

Разламывайтесь,

красные гранаты!

Вонзайтесь, зубы,

в сочную айву.

Здесь и голландец станет азиатом.

Здесь и москвич забудет про Москву.

Здесь тучи туш

над парижанкой нежной.

Здесь гроздья виноградные — восторг!

Среди грузовиков, ослов, тележек
кричит павлин.

Идет великий торг.

А в стороне

за шахматной доской
в чалме философ — старожил базара.
Изгой почтенный

суеты мирской.

То ль год, то ль ход остался до мазара.

Он знает изначальный этот мир,
как шахматы, великий,

мудрый,

старый.

И хан жестокий,

и скупой эмир

теряли трон по прихоти базара.

Ряды мои!

Чайханщики-узбеки,
гончар, чеканщик, садовод, кузнец,
да не исчезнет ваш базар вовеки!
Вселенской мены дивный образец.

Пусть в воздухе звенят

вязанки перца.

Пускай на солнце золотится рис.

Щекочет ноздри

острый запах специй.

Ап-чхи!

Прекрасно.

Будь здоров, турист!

Горит кувшин чеканкой лучезарной.
Кричит точильщик с искрами в руках.
И, словно дух воскресного базара,
висит канатоходец в облаках.

Бьет осень.

Азиатская.

Хмельная.

Котлы вздымают долгожданный плов.
И праздник в небеса трубят карнаи,
как золотые хоботы слонов.

КАЗАХСТАН

Одной рукою подперев скулу,
второй скулою звезды подпирая,
пропой мне про свою Бет-Пак-Далу.
Пропой, красивых слов не подбирая.

Спой ветер, пролетающий по травам.
Дорогу спой, что вечно далека.
Как в юрте пахнет молодым айраном.
Как небо к югу движет облака.

Пропой мне так... я сам не знаю, как...
чтоб, слушая на неоглядном поле,
уткнулся я, счастливый, как сайгак,
в траву, что пахнет ветром и тобою.

Успех — не бог. Успех — не знамя.
К чему? Зачем? Что проку в нем?
Терзают разум полузнанья.
А жизнь короче с каждым днем.

Не лучше ль миру неизвестным
прожить незначительный век,
чем по наивности прелестной
за славу принимать успех?

Красивой лжи лакей продажный,
он красит лаврами чело.
Но тем страшней понять однажды,
что ты не сделал ничего.

И нет печальнее картины,
когда тебе под общий смех
с усмешкой наглой смотрит в спину
свой долг исполнивший успех.

ВЕЧЕР

Голые склоны Чимгана
вылудил краткий закат.
Вспыхнули зерна чеканки
и на булыгах горят.

Светится горная речка.
Тускло пылает скала.
Словно сквозь медную вечность
падает нить серебра.

СИРЕНЬ

Давай любовь свою оплачем.
Давай свидание назначим,
не мучаясь и не грустя.
Сегодня.

Десять лет спустя.
Давай сирени наломаем.
Любила ты?

И я любил.
Апрель цветет, как ненормальный.
Апрель заборы проломил.
Сирень горька и безутешна.
Сорви мне счастье наугад.
Мы изменились?

Мы все те же,
как десять лет тому назад.
В глазах твоих — все те же кроны.
В моих — все тот же синий дым.
Стекло с вином

губами тронув,
ты говоришь: — Горим?

— Горим!

Куда? О чем?

За что горим мы?
Ах, за начало всех начал!
За польский вальс неповторимый.
Он только нам с тобой звучал.
Горим? Горим!

За наши годы.

Кольцо на дно со звоном брось.
За то, что дым сирени
горек.

За все,
что в жизни не сбылось.

Любовь, куда?
Не оглянулась.

О, это вечное «увы».

Горим же
за чужую юность!

Они целуются, как мы.

Горим за все!
За наши беды.

За эту музыку и боль.

За этот мир,
от яблонь белый

и от сирени
голубой.

Часов мучительнее нет
и нет страшнее истязаний,
когда в груди не гаснет свет
гонимых прочь воспоминаний.

Когда давно забытый взгляд
и слово без огня и пыла
душе виновной говорят:
— Ты б не хотел, но это было.

Поет Фортуны колесо.
Но бесконечно безутешны
то чье-то милое лицо,
то чья-то горькая усмешка.

Минувшего крутая власть
звучит, вина и распиная.
О дай мне, жизнь моя, пропасть
иль оборви воспоминанья.

Но в окнах сумерки стоят.
И ветра нет. И хлопья снега
летят куда-то наугад
и от земли восходят к небу.

ТРЫН-ТРАВА

Вступая смолоду в права,
шальной силой обладая,
повсюду, с виду золотая,
цветет отрава — трын-трава.

Кровь лося мажет рукава.
И подбородок — как булыга.
— Что? Красная? Какая книга?
Я не читатель. Трын-трава.

В стихах расставлены слова.
Столбцы стихов приятны глазу.
Но пару строк прочтешь и сразу —
куда деваться? — трын-трава.

Она на пустоши любой
произрастает неизменно.
Любовь покинула? Мгновенно
звонит торговка трын-травой.

Вы, озверев от тесноты,
на сцену прете под фанфары.
Но что вам дарят, юбиляры?
Цветы?..

А ты, большая голова?
Своей бригадою «ударной»

полрощи вырубил бездарно.
Что дальше? На траве дрова?

Сказал мой критик:— Ты суров.
Настойку выставил на столик.
Но вот умора! И в настойке
ее прелестный лепесток.

Возьму охотничьих собак.
Ружье возьму — и на раздолье.
К озерам. Лесом. Через поле.
С травинкой сладкою в зубах.

Бессмертие? Смотря чему заменой.
Бесславию? В ином почетно жить,
Уж лучше быть безвестной речкой Белой,
чем знаменитой Черной речкой быть.

Возвыситься, чтоб не зацвезь бурьяном?
Смотря над кем, мой горделивый друг.
Уж лучше быть равниной безымянной,
чем стать горой по имени Машук.

В ЗАЩИТУ СОБАКИ

Марату Атакулову

Кобель над снегом вздыбил холку,
морозный воздух бьет хвостом.
Не устоял — пошел на волка.
Снимите шляпу перед псом.

Когда за то, что он собачка,
в подачку бросили мосол,
он помочился на подачку.
Снимите шляпу перед псом.

Когда ваш пес под вашей плетью,
прижавши уши, лег пластом,
вы плеткою себя огрейте.
Снимите шляпу перед псом.

Давно полковника не стало.
Лежит в земле, пробит свинцом.
А пес опять идет к вокзалу.
Снимите шляпу перед псом.

Ты в культ возвел больные почки.
А пес не выл перед концом.
Ушел, чтоб сгинуть в одиночку.
Снимите шляпу перед псом.

Не обобью порога в ВАКе.
Уткнувшись в серого лицом,
скажу:— Прими меня в собаки.
Снимите шляпу перед псом.

ЧИМГАН

Чарует горная река
не лунной глубиной.
Дробятся в брызги облака
в воде ее шальной.

В ней радость. В ней — крутая злость.
И ярость без конца.
Взлетает ледяная гроздь
у самого лица.

Синь подперев гранитным лбом,
скала ее хранит.
Вихрь из воды стоит столбом.
И радуга звенит.

Пускай гранит. И гальки визг.
И пропасти отвес.
Но есть раскованность и риск
в падении с небез.

В шипенье брызг на валуне.
В движенье озорном.
В короткой, как удар, волне.
В ожоге ледяном.

«Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина...»

М. Ю. Лермонтов

Звезды рассветной перелет.
Нет ни надежды, ни боязни.
К любви вовеки не придет
помилованье перед казнью.
Теряй, теряй свои лучи.
Огонь становится золою.
Но горький взгляд... но слово злое...
Прощания не омрачи.

Что говорю я? Не вини
за эту боль, за эти муки,
за то, что приговор к разлуке —
все тот же приговор к любви.

Я напишу прощальный стих.
Сорву до хрипа звонкий голос.
Но трепет век твоих монгольских
да не покинет губ моих.
Да не забудутся в тебе
ни дни стремительного счастья,
ни взгляд мой, ни в твоей судьбе
мое ничтожное участие.

Прощай. Из тысячи имен
во мне твое не смолкнет имя.
Земля — не рай. Ты — не богиня.
За что же я приговорен?

День холодный, день осенний.
На полях убрали рожь.
Ты о чем, журавлик серый,
в небе пасмурном поешь?

Был я молод, был я весел.
Было все мне — трын-трава.
А теперь от этих песен
ходит кругом голова.

Подступают к горлу слезы.
И становятся близки
в рощах — голые березы.
В сером небе — косяки.

Листья желтые, сухие.
Тропы осени глухие.
Черно-белые стволы.
Журавленок мой.
Курлы...

Мне жаль того, кто все от жизни брал.
Несчастный раб успеха и везенья,
не зная сердцем ни потерь, ни ран,
глухим слепцом он покидает землю.

Но счастлив тот, кто отдал все, что есть,
кому дано, пройдя свой путь суровый,
перестрадав и отлюбив, прочесть
огнями звезд начертанное Слово.

Гудит в лесу шальное лето.
Но сквозь листву рога клоня,
сохатый смотрит между веток.
Ну что ты смотришь на меня?

По клетке нервное круженье.
Пантера. Ночь и два огня.
Багира. Черное мгновенье.
Ну что ты смотришь на меня?

Шторм в океане волны кренит,
к причалам корабли гоня.
Последний кит глядит сквозь время.
Ну что ты смотришь на меня?

Зачем джейран — тоска сквозная —
убит в степи средь бела дня?
Рогач с открытыми глазами,
ну что ты смотришь на меня?

Над морем, что мелеть устало,
лечу, моторами гремя.
Но смотрит в небо глаз Арала.
Ну что ты смотришь на меня?

Ракетодромы отражают
мерцанье дальнего огня.

Звезда, пока еще чужая,
ну что ты смотришь на меня?

Я к роднику склонюсь устало,
жару июльскую кляня.
И сам себе в глаза уставлюсь.

Ну что ты смотришь на меня?

ВЕСЕЛАЯ БАЛЛАДА

Александрю Кедрину

Голодный художник рисует жаркое.
И кисть, как шумовка, поет под рукою,
когда помидоры кармином он кроет
и сажею мажет горячий казан.
В картине под соусом мясо дымится.
Он краску на мясо кладет, как горчицу.
Пылает морковь, лучок серебрится.
И это приятно голодным глазам.

А сытый художник, скорбя и горя,
белилами пишет пустые кастрюли.
И с кремом жуя заварные рогули,
он старый сухарь на столе создает.
Рисует, стаканчик вина опрокинув,
забвения пыль на порожних графинах.
И кошка худущая смотрит с картины,
как жарится в кухне его антрекот.

Биограф и критик — два славных канала, —
их творческий путь изучив досконально,
явление это объявят нормальным,
искусство и жизнь гармонично спаяв.
И явится миру их вывод несложный,
что личное в жизни художника ложно,
что съедено, то воссоздать невозможно,
поэтому каждый по-своему прав.

ДЕТСТВО

Снег. Салазки. Переулки.
Жизни ранняя пора.
Музыкальный дым шкатулки.
Звон резного серебра.

Счастье солнца и каникул.
В небо брошенный снежок.
Вкус сушеной ежевики.
Леденцовый петушок.

Что обожанья полный взгляд?
И преклонение? И чуткость?
Они в тебе не оживят
рассудком сгубленные чувства.

Увы, мне горько это знать,
и нет печальней откровенья,
как жадно будешь ты желать
однажды преданных мгновений.

Но будет крепче всяких уз,
тобой в неведенье скрепленный,
души, на время не влюбленной,
с холодным разумом союз.

Там, где качаются кувшинки,
где бродит ветер по воде,
флейтист, живущий в камышинке,
поет мигающей звезде.

Поет легко. Поет, как дышит.
Года... века... давным-давно.
А то, что мы его не слышим,
ему, флейтисту, все равно.

Пустую лодку тронет лето.
Плеснет осока о корму.
Поет невидимая флейта
неведомое никому.

СНЕГОПАД

В Москве январь. Поземка по торцам
кружит, звеня.
Любовь моя, куда?

Центральный телеграф. Его ступени
обиты твердым голубым морозом.
По ним.
Навстречу.
В город многолюдный.

Январский снег. Он обжигает губы.
Проносится, звеня о фонари.
В подземные влетает переходы.

Тебя здесь нет... Но все же ты повсюду,
любовь моя — последняя любовь.

Суворовский бульвар. Он весь в сугробах.
Но воскресает сердце на излете.
И четко, точно в юности, я вижу —
идешь к Арбату. Плещется пальто,
с твоих сапожек отряхая снег.
Снег над Москвою.
Он летит на сумку,
что мне мерцает пряжкой ледяною,
на тонком ремешке через плечо
покачиваясь в такт твоим шагам.

Заносит снег чугунные ограды,
на памятники надевает шубы
и тает от мгновенного дыханья
на варежке твоей с оленем белым.

Тебя я вижу... Но тебя здесь нет.

Там, в Шереметьево, среди лесов январских
с бетонных плит взмывают самолеты.
Они летят в Нью-Йорк и Амстердам.
И диктор на японском языке
на Токио посадку объявляет.

Как много стран на маленькой земле!
А ты одна.
Но ты нигде и всюду.

Ах, если б не январский этот снег!
Не ворожба поземки леденящей,
морозные рисунки колдовские,
я б точно знал, что нет тебя на свете.
Но снегопад, как в юности, прекрасен.
Он просто невозможен без тебя.

На Кировской, а может, на Таганской
подземный теплый ветер из тоннеля
едва колышет волосы твои.
Вздыхают шумно голубые двери.

От мраморной колонны отделившись,
тыходишь.
И тебя уносит поезд.
И ты в стекло глядишь на отраженье
с оттаявшей снежинкой на скуле.

Тебя здесь нет... И все же ты повсюду.

А снег летит. Летит страной огромной.
Алма-Ата, Актюбинск, Таштагол.
Ревут в снегах товарные составы.
Над крышами Эстонии флюгарки
скрипят, вращаясь в белых завихреньях.
И мокрый снег над набережной Ялты
несет рывком январский ветер с моря.
И волны бьют в пустой холодный мол.
Тебя там нет... Но все же ты повсюду.

Кружит, кружит московская поземка.
Она взлетает к башенкам вокзалов.
Поют ее серебряные флейты.
Возносят в небо звук неповторимый.
Он вечен и прекрасен, как надежда,
которой в мире никогда не сбыться.
Тебя здесь нет...

Зачем же на себе
я чувствую поющие оковы
любви, с разлукой смешанной, со снегом,
что пролетает белою зимою,
звенит о стекла ярких магазинов,
об огоньки на елочных шарах?
Зачем в тебя, как в юности, я верю?

Здесь нет тебя. Ни рук твоих, ни губ.
Ни жаркого монгольского дыханья.
Ни карих глаз, летящих, как ножи.

Тебя здесь нет... Но все же ты повсюду.
И вновь немеют вскинутые руки
и тянутся за пылью звездной, снежной,
летащей из-под каблучков твоих.

Земля вечерняя. Январская земля.
Мой шарик елочный в морозных дальних звездах.
Она всю жизнь несет меня в метели
тебе ль навстречу? Вслед ли за тобой?

Прости, не знаю — где, когда и вправду ль
мы встретимся...
Далекие мосты
качает снег. Они восходят в небо.
Как будто птицы крылья поднимают
перед большим отлетом навсегда.

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Облаков степные клочья.
Гор далекая гряда.
На дрожащей холке ночи
одинокая звезда.

БАЛЛАДА О КИНО

1

Рок? Закономерность ли? Откуда?

Режиссер к отъезду был готов.
Помню мефистофельские губы,
трубку дорогую меж зубов.
В воздухе крутя рукой спирали,
он сказал:— Пришла моя пора.
И вложил в баул киносценарий —
боль и слезы моего пера.

Обломав шипы редзаклучений,
был сценарий кровью, не игрой.
За сайгу, за смерть для развлеченья
жизнью мне платил киногерой.

Режиссер был весел. Но однако
помрачнел, кривя свой гневный рот:
— Не убью ни одного сайгака.
Усыпить. Отснять. И пусть живет.

Говорил он искренне и смело:
— Жизнь, браток, она главней всего.

Был он режиссер. Во имя дела
слова не сдержал он своего.

На Бет-Пак-Дале у Джекказгана —
как я эти кадры передам?!—
рвали воздух жаркие жаканы,
и прожектор шарил по стадам.
Камера над степью нависала,
стрекоча в распоротой ночи.
И взлетали выбитые самки.
И валились наземь рогачи.
Очи их с огромными слезами...
Крупным планом кровь из рваных ран.

Ассистенты дикими глазами,
возвратясь, глядели на экран.

Кинопроизводство шло по плану.
И снимался эпизод в горах,
где герой мой в пропасть из тумана
падал у любимой на глазах.
Смертной стужей с перевала дуло.
Оператор спиртом руки тер.
К дублю дубль.

Но на одном из дублей
за сердце схватился режиссер.
Мат крошечный сплевывая с кровью,
жизнь ловил он взмахами руки.

Видно, горы для его здоровья
чересчур уж были высоки.

4

Гроб стоял у белого экрана.
Шепотом общался людный зал.
Чужд навек и метражу, и плану,
профиль мефистофельский лежал.
Могикане студии над гробом
скорбь и горечь не могли унять.
Но при этом думали особо —
кто возьмется даром фильм доснять?
Вслед за панихидою короткой
родственник поминки закатил.
Кто-то говорил, что все от водки.
И при этом сам же водку пил.
Кто-то плакал жгучими слезами.
Кто-то ел, покойника забыв.

5

После вышел фильм с другим названьем.
И герой в нем оставался жив.

Что проку в ложных обещаньях?
Давно ступил я за черту,
когда фальшивому звучанью
предпочитают немоту.

Прошу я, слов неоткровенных
поспешно в сердце не бери.
Не отзовись на звук неверный.
Твоя струна еще вдали.

В ней хочет музыка проснуться
непостижимой красоты.
Успей к ней сердцем прикоснуться
хотя бы ты... хотя бы ты...

ДАГЕРРОТИП

Возле берега шаланды,
валуны, морская пена.
Крутит девочка шарманку,
напевая у таверны.
Волны гальку оголяют.
Звон от брызг аквамарина.
Морем песенка гуляет:
— Катерина... Катерина...
Сушат сети соль и ветер.
И под песенку качаясь,
на земле печальны сети,
а на крыльях в небе — чайки.
Волны зыбки, точно дюны.
А шарманка, как приманка.
И спешат с торговой шхуны
моряки на звук шарманки.
Возле берега гуляют
канотье и пелерины.
Тихо девочка играет —
Катерина... Катерина...
Очарованная далью,
смотрит в море безутешно.
Вся — надежда с ожиданьем.
Ожидание с надеждой...
Кружек звон. Слова крутые.
Половой посуду моет.

А глаза ее такие!

Море с небом.

Небо с морем.

...Кем осталась ты на свете?

Чайкой?

Песенкой невинной?

Где мгновенье?

Где столетье?

Катерина...

Катерина...

Тебя покинут в час беды.
И дом печальный одичает.
Но взяв перо, почувешь ты,
что это не предмет печали.

Зажат разлукою в тиски,
придешь, тоской обезоружен.
Но взяв перо, вдруг обнаружишь,
что это не предмет тоски.

Все планы поломав твои,
бьет красота внезапней залпа.
Но взяв перо, поймешь внезапно,
что это не предмет любви.

Прощай, заветная строка.
Без чувства не возникнет чуда.
Все, что угодно — почувства.
Но только не предмет стиха.

САДОВНИК

Гнуто-витая, литая ограда.
Бродит старик по казенному саду.

Утро лозу виноградную студит.
Сын у садовника выбился в люди.

Он приезжает, когда ему надо,
в дом, что белеет за зеленью сада.

Внуков грядущих гордая завязь.
Вводит гостей, старика не чураясь.

— Здравствуй, папаша!

А что еще надо?
Яблоко спелое. Гроздь винограда.

Старый садовник. Ключей перезвон.
В дом их ведет мимо белых колонн.

Повар в халате ножи свои точит.
Сестры-хозяйки у баньки хлопочут.

Сладко поется гостям на природе.
Вечер настанет — старик их проводит.

— Скоро ли, сын?
— Да уж снова не скоро.

Сердце кольнет, точно с фронта осколок.

Глянет, простившись с гостями и сыном,
как шелестят на закат лимузины.

Глянет. Словечко крутое загнет.
И, усмехнувшись, ворота запрет.

Средь листопадов и разлук
напрасно счастлив я, напрасно,
что все меняется вокруг,
а ты по-прежнему прекрасна.
Напрасно продлеваю миг,
когда в глазах твоих свеченье.
Напрасно счастлив я, что в них
мерцает прежнее влечение,
что стала музыкою боль,
и время бег остановило,
что не Разлука, а Любовь
нас на прощанье осенила.

АВГУСТ

Горбатый бык в полночный бой вступил.
Напряг бока. Копыта в землю вбил.

По небу, пробивая облака,
летит звезда на черный рог быка.

Закрой глаза и жизнью всей моли —
звезда моя... желания мои...

Литературные Пилаты.
Один — правей, другой — левей.
Оставьте книжные палаты.
Вернитесь вновь к земле своей.

Найдите честное занятие.
Вот сад. Вот поле. Вот вода.
И дым, что сладок и приятен,
вдохните так, чтоб навсегда.

Услышите снова звон ведерный,
в луга идите и в леса.
Водою рек своих студеных
промойте уши и глаза.

Спуститесь вновь на нивы грешных
с людьми делить их вечный труд.
Отвыкли? А они, как прежде,
рыбачат, пашут и куют.

Над жизнью их в обычном быте
склонитесь, как над родником.
И, наконец, заговорите
живым народным языком.

Глотните радости с бедою.
Вкусите эту благодать,
чтоб глянуть на свои ладони
и снова все перечитать.

Там, за чертою городской,
там, за чертой молвы людской
живет неведомый художник
под крышей старой мастерской.
Там, от успеха в стороне
ни при деньгах, ни на коне
он матерится, как сапожник,
когда не то на полотне.

Там создается только то.
Там на гвозде висит пальто.
Там на полу точило, краски,
рубанки, кисти, долото.
Он временами пишет ню.
Зовет натурщицу свою.
Она становится прекрасной
в его нетопленном раю.

Ей откровенно только с ним.
Под потолком табачный дым.
А после в кружках стынет кофе.
Свеча пылает им двоим.
Там все известно наперед.
Художник выставок не ждет,
И верит женщина закону —
что вечно, то не пропадет.

...Художник с вами не знаком.
Так что ж вас мучает тайком,
как он любимую рисует,
как дождь поет им за окном,
как за чертою городской
фонарь, качаясь, тускло светит
и с ветки лист срывает ветер
над крышей старой мастерской...

Из жизни, ада и рая
от глуби до высоты
все лишнее убираю
и остаешься Ты.

Облик Твой звездной глыбой
я выбил по небесам.
Такою Тебя я выбил,
что сделался лишним сам.

ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ СОН

Я часто вижу особняк старинный.
Снег — на парадном. Снег — на гриве львиной.
Заката и деревьев тишина.
Мороз в стекле узоры вырезает.
И женщина недвижными глазами,
как из иконы, смотрит из окна.

Одновременно вечный и мгновенный
над женщиной пылает свет неверный.
То явится, то гаснет в глубине.
Как будто кто-то за ее плечами
подсвечники качает со свечами,
качает молчаливо и печально
задумчивый и странный, как во сне.

И скованный неведомой винок,
я чувствую опять, как надо мною
холодной медью меркнут небеса.
Над стрельчатым окном, над старой крышей
звучит орган. Но я его не слышу.
Я только вижу за стеклом остывшим
той женщины недвижные глаза.

Она глядит сквозь голубые тени.
И чудится мне — это искупленье.
Но я взойти не в силах на ступени
и взяться за чугунное кольцо.

Стою в снегу пред неподвижным взором.
Крадутся тени к сумеречным шторам.
Темнеет. И морозные узоры
скрывают от меня ее лицо.

Ты приходи в переулок,
как в детство чужое однажды.

Гам над крышами змей —
мой небесный кораблик бумажный.

Улыбнись переулку
легко и светло, как во сне.

Улыбнись без печали,
как небу, как жизни, как мне...

ПЕЙЗАЖ

Лозою черного чораса
окружена моя терраса.
И астры тянутся из вазы,
склоняясь к тому Навои.
Сквозной дымок стоит над садом.
Роняет золото прохлада.
Как в люстрах, в гроздьях винограда
горят закатные огни.

Сколько в мире мальчиков отважных!
Авторов творений бестиражных,
что ни дня не могут без строки.
О мои небесные светила!
Сколько от Памира до Таймыра
мальчиков, слагающих стихи!

Ах, куда вы, мальчики?

— В столицу.
Биться. Напечататься. Пробиться.
Мальчикам давно уже пора.
Мальчикам, что песня за рекою,
чья-то слава не дает покоя,
чья-то легкость смелая пера.

Мальчики ночуют на вокзалах.
Консультантов мучают в журналах.
Ждут в судьбе великих перемен.
Кружат по издательским орбитам.
Каждый верит:

— Буду знаменитым.
Ну а тот, кто верует,— блажен.

А Москва тем временем бушует.
А Москва на съездах голосует.
Бьют дожди по крышам и листве.
Смех. Премьеры. Встречи делегаций.

Что Москве до чьих-то публикаций!
Что до этих мальчиков Москве?

Но они, как призраки сквозь стенку,
входят к Соколову, к Евтушенко.
Только ушки алые горят.
А потом собирают понемногу
деньги на обратную дорогу.
— До свиданья,— тихо говорят.

До свиданья, мальчики. Счастливо.
Остановки в жизни торопливой
так полезны сердцу и уму.
Мальчики, я тоже не безгрешен.
Мыкался. Пальто в прихожих вешал.
Слава богу, понял что к чему.

До свиданья, мальчики. Езжайте.
Становитесь. Думайте. Мужайте.
Не дружите с дурью и тоской.
Нет на свете радости без боли.
Выдержка воспитывает волю.
А Москва останется Москвой.

За покой и мужество столица
вам воздаст когда-нибудь сторицей.
Будет жатва — будет молотба.
Для поэта главное не это.

— Что ж необходимо для поэта?

— Личность, мальчик.
Личность и судьба.

СЕНТЯБРЬ

Приходит пора золотого пера.

Любимая,

осень стоит у двора.

Стоит, осыпается.

Завтра над ней

проплачет последний косяк журавлей.

На смену туманам придут холода.

В дождях проливных поплывут города.

Любимая,

осень стоит у двора.

За кругом Полярным гуляют ветра.

В моем же владенье

мерцанье листвы,

перо золотое, бумага

и Вы.

Да на столе деревянном полна

среди яблок осенних

бутылка вина.

...Осыплются дачи за городом шумным.

Уже к ноябрю приготовлены шубы.

И кто-то Вам пишет письмо из Москвы.

Конечно,

конечно, уедете Вы.

Вздыхаете к вечеру:

— Как я устала.

Как много листвы в эту осень опало.

И все так печально.

И все так нелепо.

Что делать, любимый?

Окончилось лето.

Люблю я последние дни сентября.

Скрипичным оркестром охваченный город.

Люблю эту свежесть

и ясность погоды.

Природа спокойно уходит в себя.

Уходит...

Как мало уверены мы,

что все возвратится к нам

после зимы.

В последних туманах гудят шофера.

Любимая,

осень стоит у двора.

Она в догоранье короткого дня.

Прощаньем овеяны кроны

и лица.

Все шепчет «прости»

и не может проститься.

И женщина

горько целует меня.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

А получилось очень просто.
И в том никто не виноват,
что не поэзия, а проза
установила свой диктат.

Она, повелевая миром,
нам не дает пропасть во мгле.
Она — не прорицатель мнимый —
фундамент жизни на земле.

Она вершит полет Вселенной
и не впадает в забытье.
Что красота строки мгновенной
пред мощным замыслом ее?

Царица прочного уклада
и самодержица веков,
она — владычица что надо.

Но отчего же мир таков?

Печаль не сходит с твоего лица.
А мне все петь, да с песней веселиться.
Я трачу твое сердце без конца.
Краду и не могу остановиться.

Когда же я увижу на беду
в глазах твоих прощальное свечение,
напрасно я к ногам твоим паду.
Тебя уже не хватит на прощенье.

Люби свои края.
Вчера, сегодня, завтра.
Не шумно. Не бездарно.
А тихо. Затая.

Не только города.
Тайги смолу и зелень.
Людей, что пахут землю
и тянут невода.

Не будь напрасно лих,
а преклони колени.
Представь хоть на мгновенье,
что вдруг не станет их.

Твой лес. Твои поля.
Поселки над рекою.
Себя?.. Оставь в покое.
Люби свои края.

Не ожидай венца.
Живи одной судьбою.
Любовью без конца.
Единственно любовью

Вновь пурга до горизонта.
Деревянные дома.
По стеклу бегут узоры..
За стеклом звенит зима.
Днем холодным, ночью темной
елки, сосны, гололед.
Ветер крутит веретена.
Ветер плачет и поет.

Может, в этот зимний вечер
и неожиданно, и светло
прозвенит твое колечко
о морозное стекло.
Ты войдешь с улыбкой горькой,
со снежинкой на губе.
Как я жил все эти годы,
я поведаю тебе.
Мы с тобой к огню склонимся.
Разгляжу я у огня.
Может быть, не изменилась.
Может, все еще моя.
Ну а может быть, с дороги
ты расскажешь мне сама,
как в серебряные роги
по лесам трубит зима.
Как ждала и тосковала,
как жила в пустом дому,
Никого не целовала.

Не писала никому.
Дрогнув хрупкими плечами,
может, слезы будешь лить,
как сквозь годы и печали
не устала ты любить...

Может, может, может быть...

Когда картина не ясна,
и не приходит смелость,
и нерва нет у полотна,
и все вокруг приелось,
и недоволен ты холстом,
и краска не ложится,
начни с пейзажа, а потом
кто знает, что случится?

Быть может... может быть... а вдруг
проявится картина,
да так рванется кисть из рук,
что загудит холстина.
В порыве трепетном, святом
забуди дни, и числа.
Не покидай ее. Потом,
кто знает, что случится?

Все, что губило, не сгубило.
Но бог любви неумолим.
Так неужели и в могилу
сойду я с именем твоим?

Пусть лучше в огненных проливах
глаза съедает мне зола,
сжимают Сцилла и Харибда,
сжигает адова смола,
удава сдавливают горло,
грудную клетку мне дробя.
Куда угодно! Что угодно!
Я так устал любить тебя.

...Когда улыбкою бесстрастной
ты вновь свою являешь власть,
я проклял бы, что ты прекрасна.

Но как прекрасное проклясть?..

Осеннее чудо — мгновенье заката.
Моих облаков золотая регата
всю линию запада тянет на юг.
Ее обгоняет косяк журавлиный.
Пылает колпак водокачки старинной.
И в воздухе пахнет сушеной малиной.
И сладко от горечи скорых разлук.

Очерчена дымкой вокзальная арка.
Рекой золотой улетает байдарка.
И медные трубы качают над парком
осеннего вальса забытый мотив.
«Прощай» — флюгерок над вокзалом играет.
На ржавой стреле петушок догорает.
И горло светло. И душа замирает.
И копоть на медные шпалы летит.

Я знаю — туман по осеннему логу
сползет на луга за железной дорогой,
и краткого чуда печальным итогом
холодные рельсы погаснут во мгле.
Но дети проносят закат на гитарах.
Но листья горят у шлагбаумов старых.
Но женщина с веткой рябины на шпалах...
Любовь и надежда в осеннем огне.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССВЕТ В МАСТЕРСКОЙ.	5
ОРКЕСТР	6
ПОСЛЕГРОЗОВОЕ , ...	9
ЗАМРИ	10
ПЕТУХ	12
МИНАРЕТ	14
«РВУТ ОКЕАН ТРОЙНЫЕ КИЛИ...»	15
«НАД СТРАНОЮ ЧЕРНОГЛАЗОЙ...»	16
«СКАЖИ, ЗАЧЕМ, КАКОЙ ЗВЕЗДОЙ...»	18
«ВЕСЕЛЫЙ БОГ ПРОСТОГО РЕМЕСЛА...»	19
«КОГДА ТРЕВОЖИТ СОСНЫ И РЯБИНЫ...»	20
СТРУНЫ	21
«КОГДА ТУМАН И ДОЖДЬ ПОД УТРО...»	23
САМАРКАНДСКИЙ БАЗАР	24
КАЗАХСТАН	27
«УСПЕХ — НЕ БОГ, УСПЕХ — НЕ ЗНАМЯ...»	28
ВЕЧЕР	29
СИРЕНЬ	30
«ЧАСОВ МУЧИТЕЛЬНЕЕ НЕТ...»	32
ТРЫН-ТРАВА	33
«БЕССМЕРТИЕ? СМОТРЕ ЧЕМУ ЗАМЕНОЙ...»	35
В ЗАЩИТУ СОБАКИ	36
ЧИМГАН	37
«ЗВЕЗДЫ РАССВЕТНОЙ ПЕРЕЛЕТ...»	38
«ДЕНЬ ХОЛОДНЫЙ, ДЕНЬ ОСЕННИЙ...»	40
«МНЕ ЖАЛЬ ТОГО, КТО ВСЕ ОТ ЖИЗНИ БРАЛ...»	41
«ГУДИТ В ЛЕСУ ШАЛЬНОЕ ЛЕТО...»	42
ВЕСЕЛАЯ БАЛЛАДА	44

ДЕТСТВО . . . . . ; ; ;	45
«ЧТО ОБОЖАНЬЯ ПОЛНЫЙ ВЗГЛЯД?...»	46
«ТАМ, ГДЕ КАЧАЮТСЯ КУВШИНКИ...»	47
СНЕГОПАД . . . . . ;	48
ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ ДОЖДЯ	52
БАЛЛАДА О КИНО	53
«ЧТО ПРОКУ В ЛОЖНЫХ ОБЕЩАНЬЯХ?...»	56
ДАГЕРРОТИП	57
«ТЕБЯ ПОКИНУТ В ЧАС БЕДЫ...»	59
САДОВНИК	60
«СРЕДЬ ЛИСТОПАДОВ И РАЗЛУК...»	62
АВГУСТ	63
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПИЛАТЫ...» . . . . . ;	64
«ТАМ, ЗА ЧЕРТОЮ ГОРОДСКОЙ...»	65
«ИЗ ЖИЗНИ, АДА И РАЯ...» . . . . . , ,	67
ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ СОН	68
5- й ПРОЕЗД ЖУКОВСКОГО	70
ПЕЙЗАЖ . . . , , , , , , , ,	72
«СКОЛЬКО В МИРЕ МАЛЬЧИКОВ ОТВАЖНЫХ...»	73
СЕНТЯБРЬ . , , , , , , , , , , , , , ,	75
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА . . . . . ; , , , , , ,	77
«ПЕЧАЛЬ НЕ СХОДИТ С ТВОЕГО ЛИЦА...»	78
«ЛЮБИ СВОИ КРАЯ...» . . . , , , , , , , , ,	79
«ВНОВЬ ПУРГА ДО ГОРИЗОНТА...»	80
«КОГДА КАРТИНА НЕ ЯСНА...» . . . ; , , . ;	82
«ВСЕ, ЧТО ГУБИЛО, НЕ СГУБИЛО...»	83
«ОСЕННЕЕ ЧУДО — МГНОВЕНЬЕ ЗАКАТА...»	86

Файнберг Александр

Далекие мосты. Стихи А. Файнберг.—
Т., «Ёш гвардия», 1978 С.—88 с.

P2

Файнберг Александр

ДАЛЕКИЕ МОСТЫ

СТИХИ

Редактор В. Новопрудский
Художник Б. Хайбуллин
Худож. редактор К. Алиев
Техн. редактор Л. Буркина
Корректор З. Наджатова

ИБ 337

Сдано в набор 16/1-1978 г. Подписано в печать 3/IV-1978 г. Печ. л. 2,75. Усл. печ. л. 3,85. Уч.-изд. л. 2,16. Бумага, № 1. Формат 70×108¹/₃₂. Тираж 10000. Договор 106—77. Р 14403. Заказ № 383. Цена 30 к.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия» 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Типография № 2. Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Янгйюль, ул. Самаркандская, 44.

7

30к.

